

Оказавшись на свободе, Губерман какое-то время скитался по Советскому Союзу, увлеченно писал, а в 1988 году эмигрировал с семьей в Израиль. Многие думали - навсегда. Ошиблись: Губерман - частый гость в России. «Гарики» Губермана обладают уникальной особенностью: при их прочтении возникает чувство, что автор - не только твой единомышленник, но и первый друг, с которым знаком уже тысячу лет. Старым друзьям не задают вопросов. Вот поэтому-то на интервью с Губерманом я шел в мучительном смятении: ну не было у меня вопросов - в его книгах есть ответы абсолютно на все вопросы. О чем я откровенно сообщил, переступив порог его дома.

- Что так? - удивленно подняв бровь, спросил Губерман.

И когда в ответ я залопотал, что есть, дескать, категория творческих личностей, которых надо не расспрашивать, а читать, смотреть, слушать и все такое прочее, Губерман - хотя с порога клятвенно заверил, что ненормативной лексики употребить не будет, вежливо спросил:

- А на хера вы приехали?

Но потом сказал примирительно:

- Боюсь, что вы правы. Расскажу замечательную байку. Пришла как-то брать интервью симпатичная девка - я предложил ей коньяк и кофе. И она сказала: «Игорь Миронович, не выгоняйте меня сразу, скажите, чем вы занимаетесь?» Я говорю: «А зачем вы пришли?» - «Извините, я в газете всего третий день. Мне сказали: возьми интервью у Губермана». Я ей начал рассказывать, что я - гинеколог-виртуоз, и женщины за это меня обожают. Но хватило меня на четыре минуты - потом ее стало жалко...

Вот так началась моя беседа с Игорем Губерманом.

- Игорь Миронович, ваши стихи сравнивают то с хокку и танкой, то с народной частушкой. В них можно увидеть и созвучие с Шекспиром. Но сами вы их упорно называете «стишками». Почему?

- Потому, что они маленькие. Стишки. Болеютяющие капли.

- И что интересно: среди опубликованных нет слабых.

- Это потому, что все слабые я утопил в помойном ведре. И, поверьте, еще вопрос, чего больше: опубликованного или утопленного?

- А как родились «гарики»?

- Их я начал писать в начале шестидесятых. А в году, кажется, шестьдесят седьмом - да, точно, как раз была Шестидневная война - я приехал в Питер, чтобы работать в музее Бехтерева - книжку о нем писал. Архивные материалы мне давали на дом. А жил я у Саши Городницкого, работал там же, в задней комнате. И меня очень раздражало, что в переднюю комнату его приятель приводил дам. И однажды я положил на кровать лист ватмана с таким стихом:

*Поваливши на лежанку,
здесь еврей имел славянку.
Днём подобные славянки
для арабов строят танки.*

А потом мы с Сашей начали переписываться четверостишиями, и как-то это само собой превратилось в жанр...

- Многие «гарики» построены на парадоксах - перед нами философский жанр, которому трудно и определение-то подобрать.

- Приятно слушать. Но позвольте, я возражаю замечательной историй.

Меньше года назад я был в Донецке. После одного из выступлений человек, приглашавший меня, говорит: «Игорь, у нас есть выдающиеся филологи, они хотят с вами встретиться и поговорить». Я согласился. Выступил там один мужик и сказал: «Я ваших стихов читал очень мало, но мнение свое имею. Вы - публицист, стихи ваши завтра умрут, если не умрели сегодня». Я говорю: «Позвольте, я их писал, когда было опасно. Меня читали в самиздате». Он отвечает: «Тогда читали еще 246 поэтов». Судя по категоричности суждений при неполноте знаний, это был явный филолог, наверняка кандидат наук. В общем, разговор был вялый, смутный и пустой. Потом они прислали мне свой журнал «Дикое поле», из которого выяснилось - цитирую: Губерман - человек пустой, лишенный глубины и высоты, способный только к горизонтальному и пошлomu изложению, а значит, никакого интереса собой не представляет. И непонятно, зачем люди слушают его. Впрочем, они объяснили этот феномен общим падением эстетического вкуса и снижением художественных запросов. А вы говорите - философский жанр...

- Где-то я читал, что вы до сих пор не реабилитированы.

Игорь ГУБЕРМАН:



ФОТО ЭДУАРДА ЛАГОВКА

МОИ СТИШКИ - ЭТО ПРИМОЧКИ ОТ БОЛИ

В начале 1960-х безвестный машинист электровоза Игорь Губерман совершил трудовой подвиг: в тридцатиградусный мороз заклинило тормозную колеску - он лег на рельс и целый час устранил неполадку, применяя при этом ненормативную лексику. Прошло несколько лет, и Губерман стал использовать ее в своих четверостишиях. Потом Губермана арестовали, судили по сфабрикованному обвинению в скупке краденого и посадили на пять лет. Четверостишия к тому времени были переименованы в «гарики» и, возбуждая смех, ходили по необъятной советской стране и за ее пределами.

- Так и есть. Я брезглив, и что же, буду подавать просьбу о реабилитации? Да никогда в жизни!

Кстати, расскажу замечательную байку. Как-то на одной, скажем, презентации моя замечательная теща показала на невысокого седого человека лет пятидесяти и сказала, что от него когда-то зависела моя судьба. Я подошел к нему и сказал: «Эдик, мне только что сказали, что от вас зависела моя судьба». Я уже догадался, с кем говорю, но мне были интересны подробности. «Я расскажу вам, - приветливо откликнулся Эдик. - Только не питайте ко мне всякой обиды, у меня была такая работа». - «Да я тебя готов обнять, как брата, - искренне ответил я. - Уже ведь столько лет прошло, уже мне просто интересно».

И вот что я узнал. Он работал в каком-то аналитическом отделе КГБ, и ему были представлены записи моих телефонных разговоров. А задача была поставлена простая - он назвал ее альтернативой: сажать меня в тюрьму или психушку? «Эдик, - не удержался я, - но ведь тогда, чтоб посадить в психушку, хватало подписи двух каких-нибудь суточных докторов, а третью подписывали по телефону, чего ж со мной были такие сложности?» Он засмеялся, и мы чокнулись бумажными стаканчиками с водкой. «Мы игры свои разнообразили, - сказал он наставительно, - и вы к тому же были фруктом непростым».

Записи, прослушанные им, тянулись с середины семьдесят восьмого года вплоть до ареста в августе семьдесят девятого. Господи, что я тогда болтал! «Болтали вы тогда изрядно, - угадал мои мысли опытный собеседник, - только на психушку все же не тянули. Так я в рапорте и написал. А за дальнейшее не обессудьте, я тут ни при чем»...

Напоследок он сказал мне замечательные слова: «Вы тогда были очень осторожны и шутили всяко, и стихи свои читали. Но я с тех пор и стал вашим поклонником».

А вот еще одна история для праведного хвастовства.

Как-то в Бутырской тюрьме состоялось уникальное для заведений такого рода мероприятие: выставка московских художников. Они развесили свои работы в большом зале, чтоб выставка была до-

ступна эзкам. Накануне открытия художник Боря Жутовский спросил у начальника тюрьмы, может ли прийти на нее Игорь Губерман - сейчас он в Москве, но у него израильский паспорт. И начальник тюрьмы ответил ему незамедлительно и кратко: «Губермана я сюда пушу по любому паспорту и на любой срок!»

- Что такое внутренняя свобода?

Мне очень интересна эта тема. Я ощущал себя свободным человеком всегда. Папа мне говорил: у тебя такие друзья, что тебя посадят раньше, чем ты этого захочешь. Но когда мне хотелось что-нибудь делать - я делал. Хорошо это или плохо - не знаю. В последние годы мне кажется, что это некий - опять же я употребляю затасканное слово - не то чтобы дар, но некая физиологическая данность человека. И я знал таких людей. Но думаю, что люди умнее меня это скрывали. Приведу в пример человека невероятно талантливого - Натана Эйдельмана. Он был абсолютно свободен. Но он как-то умел свою внутреннюю свободу направлять в нужное русло: выискивал невероятные материалы, ухитрялся печататься. Он эту свободу удерживал в рамках, вел себя достойно там, где надо было сдерживаться. Я, к сожалению, не сдерживался. Словом, я думаю, что внутренняя свобода, внутреннее достоинство - это некая физиологическая данность, которой ни хвалиться, ни стыдиться не надо. Это как уродство...

- Сложно ли говорить с залом?

- Я - легкомысленный человек. Мне это делать легко. И более того - интересно. Поэтому придумал игру с записками. Приходите на мое выступление и увидите. Обязуюсь отвечать на любой вопрос. Мне это ужасно интересно. К тому же я, очевидно, болтлив и общителен. В молодости мне хватало круга приятелей. А здесь мое стремление к общительности и болтливости проявляются в игре со зрителями в вопросы и ответы. Больше всего люблю начало второго отделения, когда не надо талдычить стишки, смешить людей, а можно поговорить с авторами записок...

- Где в этот раз намерены побывать?

- Я объезжаю одиннадцать городов. Был в Новосибирске, Ростове, Саратове, Уфе, Казани, Перми, Твери и так далее. В Москве у меня уже прошел концерт в ДК АЗЛК - прямо у метро «Текстильщики».

- Вы ощущаете свою значимость для истории и окружающих?

- Скажите сначала, как видите эту значимость - я буду знать, от чего танцевать.

Не знаю - я лишен мании величия. Впрочем, получаю сотни записок о том, что мои стишки помогают жить. И я очень рад, что они служат примочкой от боли. Но сколько людям помогают жить речи Жириновского? В деревне бабка говорит: «Если бы не этот Адольфович, так никто бы правды вслух не сказал об этом гребаном правительстве». Батенька, это очень сложно.

Если вы меня спросите с литературной точки зрения, то я вам скромно отвечу, что все на места поставит время. Сейчас это бессмысленно обсуждать.

Вообще в России о значимости судят, когда человека уже нет. Если вы помните, когда хоронили Некрасова, кто-то над его могилой - едва ли не Достоевский - сказал, что Некрасов равновелик Пушкину, и сотни студентов диким голосом зарорали: «Выше! Выше!» Кто сегодня Пушкин и кто Некрасов? А кто читал Чехова, когда он был жив? Читали Потапенко и Чирикова. И обожали!

Еще о значимости. Думаю, что советская власть в значительной степени рухнула еще и оттого, что Горбачев слушал Высоцкого и Окунджаву. От хороших песен и стихов в человеке что-то созревает. Он даже сам часто не понимает что. Поэтому, думаю, что Высоцкий сильно подорвал советскую систему.

- Как поступаете, если с вами спорят?

- Отвечу байкой. Жили у нас в Иерусалиме два пожилых плотника - Яков и Федор, русский и еврей. Они дружили и за работой предавались шумным философским спорам, будучи попеременно правы и неправы, только Яков обожал, чтобы за ним оставалось последнее слово. И однажды на какой-то довод Федора Яков сказал: «Ты, Федя, рассуждаешь прямо как еврей. Может быть, ты и есть еврей?» - «Ты что? - обиделся Федор. - Хочешь, сейчас докажу?» - «Да я твое доказательство вчера под душем видел», - отмахнулся Яков. Но Федор все-таки вынул и предъявил доказательство. «Да, ты не еврей», - согласился Яков, лихорадочно соображая, что все-таки не за ним остается последнее слово. И язвительно добавил: «Но и это - не х...!»

- Ненормативная лексика в ход пошла. Из-за нее у вас вечные проблемы...

- А иначе не получится отразить жизнь во всей, так сказать, полноте. Я, конечно, не Федор, но доказательство готов предъявить - расскажу байку.

Как-то на Брайтон-Бич подслушал я разговор двух немолодых евреек. Одна другой говорит: «И ты себе представляешь, он сказал мне: идите на ...! А я ему тогда сказала: молодой человек, а я была там больше, чем вы - на свежем воздухе!»

Уберите это слово - и что останется?

- А сегодня пишете?

- Пишу, хотя гораздо меньше. Год назад выпустил книжку новых стихов. Два года назад вышла книжка воспоминаний «Книга странствий». Она уже есть в России. И чуть меньше года назад выпустил книжку - подарок судьбы - «Гарики из Атлантиды». Нашлись более полутора тысяч стихов, которые 25 лет я считал утерянными - третья часть «Гариков на каждый день». Вы помните: в книжке две части. Третья пропала в 1979 году.

Дело было так. В конце семидесятых у меня была недолгая пора душевной слабости: я относился к сочинительству серьезно и собрал тысячи две своих четверостиший, разложил их в три пачки, аккуратно пронумеровал. Машинописных экземпляров было три или четыре. За три дня обысков после ареста у меня вывели из дома все до клочка, и спустя пять лет я вернулся из Сибири в полностью очищенную от антисоветской скверны квартиру. Гога за два до моего отъезда из России у кого-то из приятелей вдруг обнаружилась копия того собрания, и я наскоро слепил сборник избранного - «Гарики на каждый день». Переправил их за границу, спустя несколько лет они стали книгой. Но часть четверостиший сгинула, с годами я о них не забыл, но мысленно простился. Порою у меня мелькало слабое поползновение востребовать у Лубянки мой архив, однако гадливость оказалась много сильнее любопытства, и вступать с ними в отношения я не стал.

У меня есть друг, которого знаю больше сорока лет. После отсидки пришел к нему в институт. Прощаясь, он сказал: «Послушай, ты у них под колпаком, конечно, и в Сибири был, а уж сейчас - наверняка, так ты ходи со мной выдаться в институт, домой пока не надо, ладно?» Фраза меня поразила настолько, что я больше не мог себя заставить позвонить ему. Потом я уехал в Израиль. В один из приездов в Москву узнал, что у него умерла жена. Позвонил. Стретились и поговорили, словно между нами не лежал провал в восемнадцать лет. Он сказал, что у него хранится сумка с моим архивом. Принес. В ней оказались черновики того собрания «гариков». Мне оставалось только выбрать стишки, которые не умерли после крушения империи, хотя и сохранили запах того страшного и привлекательного времени. А еще я не удержался и вставил три десятка из четверостиший, которые мои друзья в Израиле печатали четверть века назад, сохраняя в тайне фамилию автора. На обложках тех изданий стоял псевдоним: Игорь Гарик...

- Игорь Миронович, знаю человека, который всерьез считает, что Губерман - русофоб. Не любит он-де Россию, раз такие стихи о ней пишет: «Я Россию часто вспоминаю, думая о давнем дорогом, я другой такой страны не знаю, где так вольно, смиренно и кругом». Издевается Губерман...

- А не сказал он, что я еще и евреев не люблю? Я и такие стихи пишу:

*Раскрылась правда в ходе дней,
Туман легенд развеяв:
Евреям жить всего трудней
Среди других евреев.*

По этому поводу часто получаю записки. Удивленные евреи пишут: что же вы так про своих? Разгневанные пишут иначе: ваши стихи напоминают Германию времен рейха. Один мужик сообщил, что нашел безумное количество моих стихов на антисемитских сайтах. Я ответил, что это свидетельствует не о семантике моих стихов, а об уровне вкуса того, кто эти стишки прочитал и ничего не услышал. Так что все эти разговоры про мою русофобию и антисемитизм - чушь собачья. Кстати, филолог из Донецка тоже обрушился на меня: «Что же вы, уехав из России, такие слова употребляете?» Я говорю: «Назовите хоть одно слово, поносящее Россию!» Он: «Назову. Вы написали, что Россия - черная дыра всех надежд и устремлений. Черная дыра - это оскорбление». Я засмеялся: «Это - объективная реальность, данная, кстати, именно вам в ощущениях». Глупо распинаться в любви к евреям и России. И мне жалко тех, кто этого не слышит...

Беседовал

Леонид ГОВЗМАН